

18+

МАРИЯ ЦЕМБЕРЛЕН

МОРОЖЕНОЕ
ИЗ МУРАВЬЕ

Мария Чемберлен

Мороженое из муравьев

«Издательские решения»

Чемберлен М.

Мороженое из муравьев / М. Чемберлен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512164-6

Мороженое из муравьев? Кажется, что это нонсенс, но это реально существующий десерт, который подают в одном из ресторанов Лондона. Так же и истории Марии Чемберлен кажутся выдумкой, тогда как почти все в них чистая правда.

ISBN 978-5-00-512164-6

© Чемберлен М.
© Издательские решения

Содержание

Французский поцелуй	6
Попытка №5	12
Онкологическая комедия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мороженое из муравьев

Мария Чемберлен

Дизайнер обложки Софья Хасанова

© Мария Чемберлен, 2020

© Софья Хасанова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2164-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Французский поцелуй

Non, je ne regrette rien...

E. Piaf

*Я молю как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости.*

О. Мандельштам

Он не был красавцем, мой Эмманюэль, во всяком случае в привычном смысле этого слова. Высокий, нескладный, рано начавший лысеть, совсем не спортивный. Но что-то было в нем такое невероятно милое – то ли шоколадные глаза с искоркой, то ли породистый галльский нос, то ли губы сексуальнейшей лепки. А когда он мягко грассировал название улицы, на которой жил в Париже, у меня почти щекотало под языком от удовольствия.

Однако в целом он был, конечно, не в моем вкусе – слишком порядочный, внимательный и какой-то весь плюшево-мишковый. Мне же всегда, к несчастью, нравились смазливые, нахальные негодяи. Мужчины вроде Маню больше привлекали взрослых женщин, уже порядочно намаявшихся со смазливими подлецами. Мне было 24 года, я впервые в жизни выехала за границу и мечтала о бурных романтических приключениях.

Моего Маню я встретила на свадьбе подружки в Москве. Она выходила замуж за француза, было много цветов, гостей. Друзья жениха прилетели прямо на венчание, так что некоторых я впервые увидела только в церкви. Маню и я были главными свидетелями с обеих сторон.

Свадьбу потом отмечали дома и количество хорошего французского вина стремительно стирало языковые барьеры. В какой-то момент я вдруг обнаружила, что стою на балконе и, глядя на заводские трубы напротив, свободно болтаю по-французски с кем-то из друзей мужа.

Когда я относила посуду на кухню, то столкнулась в дверях с мамой невесты.

– Посмотри, – сказала она деловым тоном, – сколько женихов понаехало, срочно делай выбор.

Озадаченная этой проблемой, а выбор всегда мне нелегко давался, я вернулась в комнату и принялась разглядывать кандидатов.

Бенуа, добрейший физик из Бордо, но маленького роста, рыженький. Эмманюэль-1 – высокий, неуклюжий социальный работник из Парижа – не в моем вкусе. Эмманюэль-2 – голубоглазый смазливый брюнет, учится на оператора в парижской школе киноискусств и вполне подходит под собирательный образ заграничного принца. Я решила атаковать именно его.

Следующие два дня, пока молодые упивались друг другом, я водила своих трех мушкетеров по пыльной и душной Москве. Катаясь на катере по Москве-реке, я села между двумя Эмманюэлями.

– Загадывай желание, – закричали они одновременно.

Я закрыла глаза и произнесла про себя заветное, русское народное: хочу в Париж!

Когда французы уезжали, в «Шереметьево» мы обменялись адресами, поклялись писать и сердечно расцеловались на прощание. Правда, Эмманюэль-2 брезгливо подставил мне только свою щеку, из чего я сделала вывод, что мое гостеприимство не произвело на него никакого впечатления.

В сентябре начался очередной семестр в институте, и я стала потихоньку забывать о шумной русско-французской свадьбе. Впрочем, в октябре на мой день рождения из Франции пришли три открытки, через месяц еще две, от Бенуа и Эмманюэля первого. На Новый год всего одна. От Маню. В каждой своей открытке он приглашал меня в гости.

В феврале я показала очередную такую открытку своей замужней подруге, которая разрывалась теперь между двумя странами, так как тоже была еще студенткой.

– И чего ты ждешь? – переспросила она в изумлении. – Надо ехать, а то потом не позовут.

– Да, но как? У меня и визы нет, да и куда я поеду, я его всего два раза видела.

– Он друг нашей семьи, – сказала подруга строго, – и очень порядочный человек, просто так приглашений на ветер не бросает, а визу я тебе от своей работы сделаю (она была переводчицей в одной французской торговой компании).

Сказано – сделано, и спустя всего неделю я уже сидела в самолете, замирая от счастья и ужаса. Дело в том, что... как нормальная постсоветская барышня, всю свою жизнь я мечтала увидеть Париж и... остаться в живых. Бредила этим, сколько себя помню. Маниакально изучала французский – сначала по пластинкам, которые подарили мне на день рождения в двенадцать лет, потом по песням, заслушав кассеты с Эдит Пиаф и зная все слова наизусть, потом на курсах с пожилой преподавательницей, нежно любившей французский язык и так ни разу и не побывавшей за границей. Я зачитывалась французскими романами, смотрела и пересматривала французские фильмы и была полна Францией до самых краев.

И вот я туда летела. Обыденно так, «Аэрофлотом», экономя классом, но при этом меня почти трясло от волнения. За-гра-ни-ца! Какая же она? А вдруг они там совсем-совсем другие, а вдруг я забуду язык? Так переживает, пожалуй, только старая дева в ожидании первой брачной ночи. Я чувствовала, что 24 – это слишком поздно, что я переждала, пересидела... вот если бы в 16 или 18, пока еще свежесть чувств... что я все там уже знаю... что я НЕ хочу в Париж.

В аэропорту Шарль-де-Голль Маню – высокий и нескладный – издавек замахал мне рукой, и мне стало совсем неудобно. «Что я тут делаю? – подумалось мне. – Я совсем его не знаю, а теперь мне неминуемо придется провести с этим чужим человеком целых три недели!»

Маню посадил меня в серенький «Пежо», который принадлежал его дедушке, и отвез меня в квартиру, которая принадлежала его дяде.

По дороге я не чувствовала уже никакого смущения. Наоборот, мне казалось, что я летаю в Париж регулярно. Я привычно разглядывала серые, нахохленные мартовские пригороды и автоматически отвечала на вопросы о том, как долетела.

Квартира, в которую он меня привез, превзошла все ожидания. (Только сейчас, прожив в Европе какое-то время, я начинаю понимать, как мне сказочно тогда повезло, сколько вообще было счастливых совпадений той парижской весной.)

Она находилась не то что в центре, а в самом центре центра, в элитном седьмом районе, недалеко от Ecole Militaire и Hotel d'Invalide, в двух шагах от Эйфелевой башни. Первые несколько дней, выходя за свежим багетом в булочную, я невольно вздрагивала, настолько близко нависала надо мной эта плетеная железяка.

Маню поступил как образцовый джентльмен. Накануне он перевез вещи к родителям и, когда мы приехали, просто отдал мне ключи, добавив, что я могу жить здесь сколько пожелаю. В ответ он не хотел ни-че-го. А просто (ну правда, бывает такое в природе) очень порядочным человеком. Он искренне хотел показать мне Париж, кроме того, был безнадежно влюблен в другую женщину. Но об этом потом.

В первый парижский день, утомленная переживаниями и впечатлениями, я легла рано. Но зато на следующее утро вскочила привычно в восемь утра по московскому времени (шесть по местному) и больше не могла спать.

Тогда я решила побродить по городу, и это было самое лучшее из всех моих решений. Воскресенье. Весна. Шесть утра. Тишина. Туман. Город безраздельно принадлежал мне, и я принадлежала ему. На улицах было так непривычно тихо, будто сработало какое-то бактериологическое оружие и уцелела только я одна. Ни машин, ни людей. Как зачарованная, я бродила

вдоль туманных набережных и бульваров, и мое перекошенное от счастья лицо многократно отражалось в витринах. Это было не то чувство, когда хочется прыгать и петь, а когда хочется молчать и тихо улыбаться, чтобы не спугнуть внутри маленькую птичку счастья. И тогда, ожив и осмелев, она начнет насвистывать тебе самую красивую из всех возможных мелодий.

Вот так я себя чувствовала в то утро в Париже. Потом все впечатления спутались и перемешались, но это, первое, осталось наиболее бережно хранимым в запасниках моей заграничной памяти.

С Эмманюэлем мы прекрасно поладили – он не вторгался на мою территорию, я не вдавалась в подробности, почему он меня не хочет, и старалась быть хорошим другом – в русском понимании этого слова, конечно.

График жизни у нас был примерно такой: по утрам я завтракала свежим круассаном с соком и бродила по городу самостоятельно. После обеда я покупала продукты на маленьком рынке неподалеку и готовила дома ужин. Маню заезжал за мной после работы около шести, я кормила его, затем мы вместе шли гулять. Он всегда пытался отказаться от ужина и говорил: ну зачем ты, но было видно, что ему приятно попробовать домашние пирожки и борщики.

Потом мы шли знакомиться с какими-нибудь его друзьями, и нужно было каждый вечер болтать ни о чем. Это было сущее мучение, как ежедневный зачет по разговорному французскому.

По четвергам он преподавал язык беженцам на каких-то благотворительных курсах, и я принадлежала самой себе. В эти дни я даже скучала без Маню, потому что уже привыкла к его добродушной компании.

В такие вечера я бродила по Парижу одна, смотрела на откормленных уток, разгуливавших по газонам, на полную луну, отражавшуюся в Сене, и чувствовала себя почти счастливой. Почему почти? Потому что стоял апрель, а я была в городе любви совершенно одна.

Я уже обошла все музеи и галереи по два раза, Лувр – целых три. Каждый раз без билетов, конечно, русские друзья перед отъездом научили как. До 18 лет, оказывается, вход во все музеи бесплатный. Поэтому я смывала косметику, заплетала косички, надевала потертые джинсы, безумные кеды на каблуках и смешивалась с толпой американских школьников-акселератов. Меня ни разу не остановили.

Единственной роскошью, на которую я позволяла себе тратить деньги, была Гранд-опера. Я посмотрела несколько совершенных балетов Баланчина, полюбовалась росписями Шагала на потолке и почему-то только в театре почувствовала себя как дома. Вообще ощущение от Парижа было странным, как будто я все здесь уже давно знаю, мне почти не нужна была карта.

Другим сюрпризом для меня стало то, что Эмманюэль, родившийся и выросший в Париже, никогда не был в театре.

– А зачем? – спросил он удивленно. – Это же только для буржуа.

Чушь какая, подумала я и, купив билеты, потащила его на балет. Он честно высидел до конца, и, по-моему, ему даже понравилось, но было видно, что демонстрации на улицах по субботам доставляют ему куда больше удовольствия. С тех пор наметились наши разногласия. Я для него была слишком романтической и окультуренной, он для меня слишком приземленным и социалистическим. Общих тем для разговоров у нас было мало, да и языковой барьер все-таки мешал.

На выходные Маню тоже решил устроить мне сюрприз.

– Мы едем в Нант к моим друзьям, – объявил он радостно, помахивая билетами на новый суперскоростной поезд. – А там мы отправимся в пеший поход: тридцать четыре километра вдоль Атлантического океана, – добавил он, просто сияя (наверное, это была месть за балет).

– Сколько километров? – переспросила я.

– Много, – засмеялся он.

- Ну зачем такие траты, Маню? – пыталась возражать я.
- Молчи, ты мой гость, – ответил он, притворно обидевшись.

В пятницу вечером мы прибыли в Нант. На вокзале нас встретила долговязая девица с безумными глазами и надутым шариком-бабочкой. О боже, испугалась я, присмотревшись повнимательнее, ведь это та самая девица, которую я видела дома на фотографиях в альбоме Маню, они там на лодке катались, целовались и вообще. Бывшая девушка. Зачем же он меня так подставляет под удар?

«Бывшая девушка» впиалась в меня таким оценивающе-испепеляющим взглядом, что мне и вправду стало страшно. Отравит или зарежет ночью, подумала я. От этих фам фаталь чего угодно можно ожидать. Проводив меня в мою комнату, Полин, криво улыбнувшись, положила стеклянную баночку с конфетами на подушку и сказала: это наши знаменитые нантские леденцы – попробуй.

Как же, подумала я, попробую, а потом не проснусь. Ну уж нет! Я поняла, что надо самой спасти ситуацию, и кинулась на кухню, где Полин мыла посуду.

- Послушай, – сказала я как можно доброжелательнее. – Маню и я – мы просто друзья.
- Правда? – загорелась надежда в ее сумасшедших глазах.
- Правда-правда, – закивала я в ответ.

И тогда Полин поплакалась у меня на плече о своей несчастной судьбе. Она старше Эмманюэля на 10 лет, они вместе работали в одной благотворительной компании, помогающей беженцам. Она уже тогда была замужем, за русским, кстати, с которым познакомилась в каком-то горном походе. У них шестилетняя дочь, но Витя больше любит водку, а она любит Маню. Вот такой любовный многогранник. Мы повздыхали, погоревали и отправились спать. На следующий день нужно было вставать в четыре утра.

Не буду даже описывать этот сумасшедший поход. Только французы способны себя так истязать, да еще за собственные деньги. Мне такая форма отдыха была совсем не понятна, к тому же, как городскому жителю, было ужасно тяжело пройти все 34 километра пешком, но зато красота видов и веселая компания, распевавшая французские песни, помогали преодолеть препятствия.

Перед отъездом в Париж Полин ворвалась в мою комнату и начала, почти рыдая, уговаривать меня остаться, а она поедет вместо меня с Маню. Что я ей могла ответить? Мне было ее очень жаль, но ведь у нее маленькая дочь, симпатичный муж, приятный домик, может, она все-таки передумает?

Самое ужасное, что с Маню в поезде случилось примерно то же самое. Было так странно видеть, как этот большой, нескладный мужчина вдруг начал плакать при отходе поезда.

- Ну что ты? – испугалась я.
- Я все еще люблю ее, – признался он.
- Возьми себя в руки, – отреагировала я. – Ты читал «Анну Каренину»?
- Нет, а что? – спросил сбитый с толку Маню.
- Вот возьми и прочитай, там почти такая же ситуация. А сейчас попробуй поспать, через два часа мы уже будем в Париже.

Через несколько дней Маню, как всегда после работы, заглянув в мою (свою то есть) квартиру, заметил радостно за ужином:

- Спасибо тебе, кстати.
- За что? – удивилась я.
- Он молча достал из портфеля «Анну Каренину».
- Прочитал – полегчало? – осведомилась я.
- Угу. Давай ты будешь моим частным психологом, – попросил он.
- Давай, – согласилась я, – Ты ешь пока.

На следующие выходные ко мне из Лондона приехала подруга-англичанка, и это как-то разрядило накаляющуюся атмосферу. Почему накаляющуюся? Ну, все-таки мужчина и женщина (уже причина) каждый день встречаются, вокруг весна, оба свободные. Моя подруга сразу это заметила:

– Послушай, он на тебя так смотрит, разве ты не чувствуешь?

– Никак он особенно не смотрит, – успокаивала я ее. – Не придумывай.

– Нет, ну все-таки, – отвечала она, несколько задетая. – На меня он так не реагирует.

– Я его русской кухней приворожила, – смеялась я.

Шутки шутками, но незаметно для себя с каждым днем мы становились все ближе.

Больше всего, как ни странно, я любила тихие вечера, когда мы никуда не ходили, а сидели дома. По закрытым ставням уютно шелестел дождь, Маню постукивал клавишами компьютера, я, поджав ноги, сидела в углу дивана и читала словарь. Было очень хорошо и спокойно. Трудно поверить, но из всего парижского разнообразия впечатлений это самое любимое. Дождь, и мы сидим дома, иногда переглядываемся и молча улыбаемся. Потом он обычно выключал компьютер, надевал плащ, целовал меня в обе щеки и уходил. И только после того, как он уже ушел, я замечала, что все выписанные из словаря на листок слова были о любви.

Но вот настала пора моего отъезда. Накануне Маню вручил мне корзинку сыров и подарочную упаковку дорогого вина.

– Я знаю, русские всегда с собой это увозят, – сказал он. – Я купил тебе самое лучшее, чтобы ты не бегала, не искала.

– Маню, ну зачем! – забеспокоилась я. – Ты и так столько всего для меня здесь сделал. За что?

– Parce que tu es jolie et gentille, – объяснил он просто.

В тот вечер я приготовила блинчики с черной икрой, которую припасла к особому случаю.

– Давай откроем к ним твою водку, – предложил Маню. Он знал уже, что красная икра идет под шампанское, черная – под водку. Кулинарные правила в этой стране соблюдались строго.

– Но, во-первых, это твоя водка, а во-вторых – я ее не пью, – возразила я.

– Надо, – сказал Маню, открывая. И добавил единственную фразу, которую знал по-русски: – «Пьяная, но красивая». Я же должен знать, как правильно пить русскую водку.

Пришлось постоять за честь родных традиций и залпом выпить полстакана. После этого у меня брызнули слезы из глаз, почти как у клоуна в цирке.

– Пойдем на воздух? – предложил Маню.

Мы долго гуляли по набережной, зашли по дороге к кому-то из его друзей, которых у него было бесконечное количество. Там мы, кажется, еще что-то ели и пили, я уже плохо помню.

Помню только, как мы очутились в метро и он дал мне свой билетик, сказав, что поедет на велосипеде отсюда домой. Я прошла через турникет и вернулась к барьеру попрощаться:

– Ну, пока?

– Пока.

Мы стояли по разные стороны железного барьера, и он был настоящей преградой между нами во всех смыслах – физическом, символическом, языковом, границей между нашими странами, разными характерами и образом жизни. Мы постояли еще немного. И вдруг словно что-то бросило нас друг к другу. Не сговариваясь, мы начали целоваться – жадно, взахлеб, как будто у нас отнимают, как будто это в последний раз в жизни.

Когда его губы оторвались на секунду, я поняла, что должна сейчас сделать только одно – быстро, не оборачиваясь, повернуться и уйти. Ни в коем случае не оглядываясь. Не повторяя ошибки Орфея. Иначе, если я обернусь, я точно знала, что брошу все и останусь здесь навсегда, а это совсем невозможно. Что нам будет больно друг без друга, сложно видаться и...

Всю ночь я не могла спать. Прислушивалась к каждому шороху и скрипу, мне все казалось, что это его велосипед останавливается у дома и он поднимается по лестнице.

В аэропорту Шарль-де-Голль на следующее утро мы неловко прощались. Я упиралась взглядом в его шею, он смотрел куда-то поверх моей головы. Мы оба молчали, потому что понимали, что слишком разные и ничего не возможно.

– Пиши, – сказала я.

– Обязательно, – отозвался он.

Больше мы не виделись. Но он время от времени действительно писал мне, как и обещал.

Однажды на Новый год я получила странную открытку – фотографию. На ней были изображены груднички-двойняшки. И подпись на обороте: «Это мои сыновья. С Новым годом! Целую. Эмманюэль».

Я села на кровать и заплакала. И думала о том, почему его велосипед не остановился тогда под моими окнами и почему он не вернулся той ночью.

Почему?

Попытка №5

1. Попытка выйти замуж

Произошла еще на первом курсе института. Девушка я была скромная и больше всего любила учиться. Читать книжки, ходить на лекции и много заниматься.

Однажды на студенческой вечеринке на меня почему-то обратил внимание главный лове-лас всего курса. Что он во мне такого нашел, было совершенно непонятно. Как он потом объ-яснял, его сразило мое упрямство и неумение одеваться. Он с детства много путешествовал и поэтому привык носить все самое лучшее. Мне же было все равно – кеды к платью или каб-луки к джинсам.

Ловелас активно начал распускать передо мной перья и хвастать недавней поездкой в Америку. Я оставалась холодна. Тогда он попробовал меня напоить – не действовало, тогда он попробовал сразить меня своей щедростью и привез мне из очередной поездки роскошное платье. Оно было на два размера больше.

Тогда он окончательно разозлился и вдруг... стал читать книги, ходить со мной в театры и даже в консерваторию.

Через полгода мы сидели в кафе и, жмурясь на солнце, беседовали о книжных новинках.

– С тобой хорошо, – сказал он. И неожиданно добавил: – Давай поженемся.

– Давай, – согласилась я, недолго думая.

Мы расплатились и направились к ближайшему Загсу на Кутузовском подавать заявле-ние.

Когда мы подходили в полном молчании к массивному серому сталинскому зданию, каж-дый думал о своем.

На двери нас ждала маленькая записка, написанная от руки: «Загс на ремонте».

Мы оба облегченно выдохнули, сказали друг другу «не судьба» и разошлись.

Так однажды я чуть не вышла замуж за самого красивого парня во всем институте.

2. Попытка серьезных отношений

Произошла однажды 1 мая. Мы с подружкой плыли в пестрой толпе празднично наряжен-ных граждан по направлению к Александровскому саду. Граждане уже были слегка разомлев-шие от хорошей погоды и праздничного безделья.

По дороге произошел такой диалог.

– Почему все мужики сволочи? – начала для затравки подруга, которая недавно расста-лась со своим молодым человеком.

– Да, – вздохнула я горестно, не найдя что возразить.

– Вечно тебя используют, а потом исчезают.

– Ужас, ужас, – качала головой я.

– Особенно эти студенты с их жизненной философией: хочешь – не хочешь – как хочешь.

– Ну не все, бывают ничего, душевные, – поправила ее я.

– Все козлы! – категорично заявила подруга. – Под каток их всех, под каток! – добавила она, грозно сверкая глазами.

Мы обошли поток людей, и на углу во дворе заметили большой оранжевый каток, должно быть, закатывавший асфальт на этом участке недавно. Какое-то время мы молча постояли, пораженные мгновенной материализацией наших мыслей, потом зашагали дальше.

– А самое обидное, – добавила подруга, – что им на всех, кроме себя, наплевать.

– Угу, эгоисты чертовы, – сочувствовала я изо всех сил.

– Ну почему, почему мне так не везет? И вечно я встречаю типичное не то. Какая-то ловушка для уродов.

– Не переживай, – утешила я, – Мне тоже все какие-то мальчишки незрелые попадают. Так хочется встретить кого-то серьезного, надежного, который знает, что делает, и берет ответственность на себя.

– Ой, ну мне пора, дома ждут, – взглянула на часы подруга, чмокнула меня в щеку и убежала.

Как только она исчезла из виду, тут же на светофоре ко мне прислонился какой-то мужчина средних лет.

– Д-девушка! – сказал он преувеличенно радостно. – Какая вы... – Тут он потерялся в определениях.

Выглядел он взросло и прилично, но, к сожалению, был уже безнадежно пьян.

– Я вас... еще со спины заметил. У вас такое т-т...

– Туловище? – помогла я.

– Да, т-талия, – справился он с заплетающимся языком. – Вы не думайте, я серьезно. Я вообще человек серьезный. Директор фармацевтической компании... – он потянулся за визиткой, но, вспомнив, что без костюма, развел руками. – Друг сегодня вернулся из командировки. И... это... праздник же. Мир, труд, май! – сказал он и полез целоваться.

Я попыталась перейти на другую сторону улицы.

– Д-девушка, – догнал он меня, – я не того, вы не подумайте. Вы мне правда очень понравились. Хотите, поедем с вами завтра на озера? Я такие места в Подмосковье знаю! Возьмем вина, шашлычок, фруктов. У меня новый «Опель». Недавно купил. Ой, ну не смотрите на меня так... у вас такие глаза... о-о-одухотворенные, – выговорил он не без труда. – Я... это... можно сказать, с первого взгляда и наповал...

– Со спины? – спросила я с недоверием. – Пить меньше надо.

– Ну, так друг ведь. И это... праздник...

С лексикой у него явно было небогато.

– Так едем на озера? – Он попытался приобнять меня, чтобы не упасть.

– Вы знаете, у меня адаптационный период длительный, – ответила я, чтобы его запутать.

– Чего? – удивился он. – Это сколько?

– От трех до пяти месяцев, – пояснила я.

– Ха, от трех до пяти дней, – «расшифровал» он, самодовольно усмехаясь.

– Ну, тогда от трех до пяти с конфискацией, – улыбнулась я хитро и нырнула в ближайший переход метро, слившись с толпой.

Возможно, если бы он был трезв, его слова и возымели бы действие. Но сказанные, к сожалению, в таком состоянии не вызвали ничего, кроме брезгливости.

– Ну, девушка-а-а-а, – доносился до меня еще какое-то время эхом голос серьезного, взрослого кавалера, который даже не догадался спросить, как меня зовут.

3. Попытка изнасилования

Произошла утром. В понедельник. Когда я опаздывала в институт, где должна была делать доклад на тему «Четвертое измерение Эйзенштейна». Соответственно, всю ночь провела над книгами и утром, не позавтракав, вылетела с красными глазами, накинув на джинсы и свитер новенькое итальянское кремовое пальто. У него был капюшон и невероятной красоты костяные пуговицы. Это была моя настоящая гордость, я купила его на три сэкономленные стипендии. Для поднятия тонуса, так сказать.

Когда я неслась по улице, рядом со мной притормозил синий «Вольво», и седовласый мужчина солидной внешности спросил, как проехать к метро.

– Это здесь направо, налево до светофора и потом опять направо, – ответила я.

– Давайте я вас подвезу, а вы мне покажете, – сказал он вежливо, – я вижу, вы торопитесь.

– Ой, да, – сказала я, обрадовавшись перспективе добраться без опозданий, которые строго карались нашим завкафедрой.

По дороге водитель приветливо расспрашивал, где я учусь, и почему так спешу. Я откровенно рассказала, что делаю доклад и это очень важно, потому что засчитывается как часть дипломного проекта.

Проникнувшись моими проблемами, он предложил подбросить меня поближе к институту, ему по пути на работу.

Я спросонья и в запарке согласилась, но, когда машина въехала в какой-то тихий тупик, мне стало не по себе.

Участливый мужчина действовал молниеносно и без комментариев.

Поставив двери в автоматическую блокировку, одной рукой он опустил кресло, на котором я сидела, а другой стал сдирать с меня кремовое пальто. Костяные пуговицы с жалобным свистом застреляли по окнам. От неожиданности я потеряла голос, и только слезы автоматически брызнули из глаз. Седовласый мужчина, деловито расстегивая брюки, схватил меня за волосы и стал подтаскивать к себе. Я отчаянно замолотила в воздухе руками и случайно заехала локтем по рулю. Протяжно загудел сигнал. Из окна в угловом доме высунулась любопытная старушка – из тех, которые всегда на посту.

Тут ко мне вернулся голос, и я завизжала так нечеловечески громко, будто озвучивала фильм про дельфинов. Мужчина выругался, отшвырнул меня от себя и, вырвав со двора, открыл дверь и выпихнул меня на асфальт, выбросив вслед мою сумку с распечатанным докладом. А немислимой красоты пуговицы так и остались где-то под сиденьем. Зато я была живая и невредимая.

Опоздав на сорок минут, растрепанная и заплаканная, я ввалилась в аудиторию.

Оценив мой внешний вид и не задавая лишних вопросов, завкафедрой только сказал:

– А, хорошо, что вы заглянули, осталось ровно двадцать минут для вашего доклада.

Сняв испачканное нежно-кремовое пальто и достав помятые листы, я вышла на середину аудитории и дрожащим голосом начала читать:

– Сергей Эйзенштейн верил в то, что кинематограф способен изменить восприятие человека на эмоциональном уровне, взывая прежде всего к его гуманному началу...

4. Попытка прославиться

Происходила регулярно. С отроческого возраста за мной ходили фотографы и художники, приговаривая: вас рисовать и рисовать. Но тщеславие никогда по-настоящему не одерживало победу над здравым смыслом, и потому я не соблазнялась на приглашения «попозировать».

К тому же, учитывая предыдущий опыт, я стала относиться к противоположному полу настороженно. Особенно к мужчинам за сорок.

Но однажды, уже за границей, один пожилой итальянский фотограф все-таки растопил мое сердце. Мы познакомились на фотосессии, куда я пришла брать интервью у модели.

Фотограф, делавший снимки для итальянского «Вога», в перерыве вдруг стал фотографировать меня. Он ходил за мной без всяких объяснений и молча щелкал камерой. Выглядел он очень солидно – кудри с проседью, массивные очки. Чем-то он напоминал моего дедушку, и потому вызывал доверие.

– Мария, белла, – подошел он в следующем перерыве, – Я хочу сделать фотосессию с вами отдельно, для моего проекта. Вы обещаете мне позвонить в Милан? – и протянул визитку. – Я куплю билет и все организую через свою компанию. Обещаете?

Мое сердце дрогнуло, все-таки не дядя Вася из местного фотоателье зовет тебя попозировать на продавленной кушетке.

Через неделю я долго мяла визитку в руках, потом решила, что пора, наконец, украсить обложку «Вога», и набрала его номер.

– Мария, ми аморе, – обрадовался итальянец, – Твои глаза, твоя улыбка, наш проект!

– У меня есть время в конце месяца, – сказала я деловым тоном.

– Моменто, я посмотрю в календарь. О каррина, – запричитал он, – следующая неделя full – выставка во Флоренции, фотосъемка Феррари. Я перезвоню тебе.

И, конечно же, не перезвонил. Я не стала настаивать.

Отсюда мораль, даже две: все итальянцы обманщики, что и требовалось доказать. Сказок не бывает, что и так хорошо известно.

Но вскоре представился следующий шанс стать «музой художника». На одном аристократическом балу я познакомилась с молодым английским живописцем. Он долго следил за мной взглядом, а потом подошел и пригласил меня на ужин.

Мы встретились в центре через пару дней, и решили зайти в его любимый ресторанчик неподалеку.

– Я только заброшу кисти домой, я прямо из мастерской, – сказал он мне, солнечно улыбаясь. Видимо, хотел убить меня расположением его «холостяцкой норы», как он обозвал свою двухкомнатную квартиру в центре Кенсингтона.

Ее обстановка поражала дорогой скромностью – полупустое белое помещение в японском стиле, новейший белый «мак» с яблочком, собственные картины маслом по стенам, и даже в углу, где у нормальных людей находится мусорная корзина, стояло ведро с рапирами.

– А, да, я фехтую немножко, – объяснил он скромно, перехватив мой изумленный взгляд. – Недавно вернулся с чемпионата. Любительского, не смотри не меня так, – добавил он, все так же лучезарно улыбаясь.

«Ах, какой милый, скромный, ну просто принц. Но почему он все время улыбается, как заведенный? Что-то не так, – думала я, – Но что именно?»

Выглядел тридцатитрехлетний художник отменно, и был даже чем-то похож на Киану Ривза. Одет, как и подобает современному английскому аристократу: белая футболка, черный пиджак и потертые джинсы – типичный портрет лондонского денди XXI-го века.

Мы отправились пешком в маленький уютный ресторанчик. Ели морепродукты, пили прозрачное, как вода, итальянское вино и говорили об искусстве.

– Я обожаю Венецию, – восторженно восклицал художник, – я постоянно езжу туда на пленэр. А у тебя такие мягкие линии, как у итальянцев. Я хочу нарисовать твой портрет. Под душем, в этом синем шелковом платье, которое будет струиться и прилипнуть к мокрой коже...

Он по-прежнему улыбался, и глаза его неестественно блестели.

– Извини, я сейчас, – сказал он посередине фразы, еще ослепительнее улыбнулся и исчез.

Я мысленно перебрала все за и против и не могла понять, что же все-таки не так. Слишком уж все сказочно, так не бывает.

Когда он вернулся из туалета, я заметила белую пудру на черном рукаве его пиджака, вздохнула про себя и попросила счет.

Заплатив свою половину, я пожалела аристократа с лихорадочно блестящими глазами, но никогда не звонила ему больше. Он тоже исчез надолго. И мои худшие предположения потом подтвердились. Возможно, он и сейчас где-нибудь в одной из закрытых и дорогостоящих загородных клиник.

5. Попытка быть счастливой

И вот я поняла в какой-то момент, что для полного счастья не обязательно быть замужем, иметь лучшую в мире работу и самую дорогую машину. Ведь счастье – оно в самом ощущении счастья. Можно попробовать быть счастливой и с тем, что есть? Что в конце концов все крысиные бега за деньгами, карьерой, благополучием оборачиваются бессонницей и пустотой. Может быть, гораздо важнее просто уметь смотреть? Видеть. Слышать. Дышать. Наслаждаться простыми вещами. Хорошей книгой перед сном, телефонным звонком от старого друга, посылкой с теплыми вещами летом от мамы. Заботой неизвестных людей, твоей заботой о них.

Пусть это только возможность рассчитывать на себя и быть довольной тем, что есть, способностью удивляться, влюбляться и плакать, способностью, которая бесконечно обновляется вместе с клетками самого организма.

Можно просто вечером ехать с работы домой, смотреть из окна автобуса на мелькающие дома, деревья, лица и чувствовать себя счастливой. В любом городе любой страны, потому что и счастье, и несчастье мы носим с собой.

А еще можно не готовить ужин, а купить в местной греческой лавочке отменный гриль. Можно смотреть, как проворно мелькают лопатки под накрахмаленной белой курткой продавца, грека Теодороса, когда он разрезает розовое мясо осьминога для гриля.

– Чикен сувла? – улыбается он мне.

– М-м, – улыбаюсь я в ответ.

– Ты выглядишь усталой, Мария.

– Я устала, Теодорос.

– Все будет хорошо, ведь ты очень счастливый человек, я знаю. Я вижу столько людей каждый день. Ты мой самый счастливый покупатель, – добавляет добряк грек.

– Спасибо, я знаю, Теодорос. Я знаю.

Онкологическая комедия

Everybody needs a place to think.
Slogan of BBC Four

Каждому нужно место, чтобы подумать
Слоган телеканала BBC Four

I

Однажды мама повела меня к частному, очень хорошему врачу. Врач, добросовестная рослая женщина с встревоженными глазами, долго меня ощупывала, потом произнесла как приговор: пункция. Для меня это было что-то вроде опции, еще одно непонятно-смешное слово. Но когда в горло вонзился шприц, без всякого наркоза, стало больно, а не смешно. От неожиданности я заплакала, мама, заглянувшая в кабинет, тоже обняла меня и заплакала. Так мы сидели в коридоре, обнявшись, и плакали по непонятному поводу минут пять. Пожилая медсестра высунула голову из лаборатории и потом, появившись в дверях целиком, вынесла маленький стеклянный колпачок с коричневой жидкостью.

– И чего рыдаешь, больных пугаешь? – сказала она уютно. – На-ка вот, выпей.

– Это что? – спросила я сипло.

– Коньячок, – сказала медсестра, подмигнув. Коньячок оказался обыкновенной вале-рьянкой.

Нас снова пригласили в кабинет врача.

Не отрывая взгляда от бумаг и не переставая царапать ручкой, она скороговоркой диктовала: пятый диспансер, врач Овечкин, мой коллега, вас устроит.

– Организм крепкий, недели две все займет, прооперируют тебя, и будешь у нас всех здоровей, – улыбнулась она мне криво, оторвавшись от бумаг. – Мама, останьтесь на минутку.

Мне было 22 года. Девушка я была беспечная, легкомысленная, высокомерная и любопытная одновременно. В больницах не бывала никогда, и даже простудой обыкновенной болела редко. А потому, когда я переступила порог хирургического отделения Пятого онкологического диспансера, все мне было в диковинку, если не сказать в развлечение.

Врач Овечкин оказался смешливым колобком в очках.

– Я ваш лечащий врач, – заявил он при первой встрече, кокетливо сложив ладошки на животе.

– Правда? – ответила я и хотела было что-то сострить, но он быстренько сунул мне две пробирки, сказал, что зайдет завтра утром, и исчез. Я, подталкиваемая в спину молодой медсестрой, проследовала в свою палату.

Поначалу мое пребывание в больнице напоминало скорее отдых в санатории или поездку к родственникам, что-то совсем необязательное и очень расслабленное. Можно читать до обеда, можно всем письма писать на полгода вперед, можно валяться и потолок разглядывать, а можно и по палатам в гости ходить.

Правда, ходить особенно было не к кому. Вокруг лежали в основном упитанные русские бабульки да растрепанные женщины средних лет в махровых халатах с пачками разноцветных журналов на тумбочках. Я была самая молодая на этаже, да и во всей больнице, как потом оказалось, спасибо Чернобылю, облако от которого пролетело когда-то и над нами.

Первый день я наслаждалась непривычной атмосферой, веселилась, звонила друзьям, каверзно спрашивая: а вот угадай, откуда я? Перелистала все свои любимые книги, которые

успела захватить с собой, решила штудировать языки и научиться вышивать, как моя соседка. Уснула я в прекрасном расположении духа.

На следующее утро спозаранку темноту взорвал омерзительный желтый свет, и женский голос немилосердно взвизгнул над ухом:

– Градусники!

– Где я? – судорожно дернулась тело. Какие, на фиг, градусники, еще же темно?

– Больная П., на анализы.

Я выползла в пижаме в коридор, еще плохо соображая, где нахожусь. Меня отвели в лабораторию. За столиком под электрической лампочкой сидел такой же невыспавшийся юноша.

– Руку, – сказал он.

«А сердце?» – чуть не ответила я. Симпатичный, отметила автоматически, пытаюсь соорудить ему глазки, но, поскольку они еще совсем слипались, эффект получился неудовлетворительный, хмурый юноша в белом халате даже не улыбнулся.

Я обиделась и ушла досыпать. Но не тут-то было.

Вся больница дрожала, гудела и позвякивала, как небольшой звездолет. Под нами справа скрежетали кастрюли в буфете, по коридору кого-то катили на скрипучей каталке в операционную, сверху слышались непонятные стоны. Сон отменялся.

Тут ходячие из нашей палаты потянулись на завтрак, я решила тоже сходить, полюбопытствовать, чем тут кормят. Натянув халат, пригладив волосы и сунув две ложки и вилку в карман, поползла в буфет. На пороге наткнулась на чью-то ногу и с грохотом выронила свои посудные принадлежности. Все головы разом повернулись в мою сторону. Я выпрямилась и побледнела. Почти у всех в нашем отделении со смешным названием «голова-шея» были какие-то наросты, шишки или лиловые опухоли на лице, у многих торчали трубки из горла, и при разговоре они хрипели. Палата прокаженных, полотно Босха, Страшный суд, подумала я. Остановившись в растерянности, собрала с пола свои ложки-вилки и вернулась в палату. Есть мне, конечно, расхотелось.

Я спустилась вниз в приемное. Здесь дежурили два огромных охранника в ватниках.

– А когда сегодня посещения начнутся? – спросила я самым своим дружелюбным тоном.

– Не начнутся, – хмуро ответил охранник. – Читать умеешь?

Я перевела взгляд вслед за его рукой. На стене висело свежее объявление: «С 15 февраля в нашем диспансере объявляется карантин. Прогулки, встречи и передачи запрещены. Главврач».

М-да, совсем как на зоне, подумала я, покосившись на дюжих охранников в защитного цвета ватниках с бляхами, и отправилась беспцельно шататься по этажам, не зная, чем заняться. Анализы все у меня взяли, операция через неделю, домой не пустят. Что же делать? Тогда я решила приступить к изучению двух языков одновременно, по методу, который вычитала в какой-то книжке. Один академик выучил сразу шесть европейских языков по Новому Завету. Просто сверяя главы на разных языках. Одного я не учла, что академик жил до революции и наверняка знал Евангелие наизусть. Я же проводила целые дни в изучении Завета Божьего на английском, русском и французском одновременно. Да, совсем забыла сказать, диагноза я своего не знала. И жила в счастливом неведении, почти как лилии полевые или птицы небесные.

И вот настал день моей операции. В то утро мой возлюбленный приехал в больницу. Никуда его, конечно, не пустили, и он стоял на морозе под окнами моей палаты, подпрыгивая и размахивая руками, всячески пытаюсь изобразить моральную поддержку. В смешной рыжей шапке-ушанке он был сверху похож на маленького веселого щенка. Я, забравшись на подоконник в ночнушке и открыв форточку, выбросила ему написанную накануне неразборчиво-запальчивую записку со смутным содержанием, что, дескать, в моей смерти прошу никого не винить и если умру от чего-нибудь, так это только от горячей любви.

– Пациентка П., вы что, с ума сошли?! – запричитал сзади в открывшуюся дверь мой лечащий Овечкин. – У нас до операции еще никто не умирал, ну-ка быстро закройте окно – и в постель, за вами через полчаса придут.

Я шмыгнула в кровать, но от волнения не могла ни лежать, ни сидеть. Полчаса! Так скоро! Каково это – быть оперируемой? Ведь это же, наверное, жутко страшно! Я представила себе огромный белый зал, ослепительные стальные плафоны, крахмальные белые халаты и бесконечно длинный мраморный стол, на который положат меня, беззащитную и нагую.

– П. – на выход, – раздалось неподалеку. Я сняла наушники, в которых звучал Пятый фортепианный концерт Бетховена (для храбрости), и на негнущихся ногах последовала за высокой, худой сестрой.

– Так, все железное снять, левую руку заправить в трусы – и на топчан, – сказала она ледяным голосом, когда мы пришли.

«Какой топчан? А где мраморный стол?» – хотела спросить я и тут наконец огляделась.

Больше всего операционная напоминала небольшую недорогую закусочную. Из приемника гремела дешевая музыка, две медсестры мыли пол, кто-то, кажется, жевал бутерброд, а посреди комнаты стоял он – маленький, низенький, как у ветеринара, топчан, застеленный заляпанным зеленым брезентом. Но самое смешное, что окна в операционной были совершенно прозрачными, а за ними виднелся жилой дом. Так ведь любой вуайерист, вооружившись хорошим биноклем, спокойно может узнать, что у меня внутри находится, думала я, взбираясь на странный стол. Было холодно и пусто, и только радио надрывно зудело: «Дэнс-дэнс-дэнс, ты меня-я обнима-а-ала!»

«Введите же мне скорее наркоз!» – хотелось попросить мне. И тут как раз откуда-то, почти из воздуха, возникла анестезиологиня. Лица я ее не видела, но над маской сияли такой ангельской чистоты синие глаза с фиолетовой подводкой и хорошей тушью, что я отвлеклась даже от невыносимой музыки. «Ланком» или «Лореаль?», – размышляла я, следя за перевернутыми глазами-фиалками анестезиологини, вводящей мне раствор.

– А больно не будет? – решила я задать последний уместный вопрос.

– Не бу...

Тушь начала размазываться, а плафон – опускаться, вытесняя собой все остальное.

Во время операции мне снился долгий, муторный сон, в котором кто-то наваливал мне на грудь огромные каменные глыбы, а я пыталась их спихнуть.

Когда я очнулась, за окном было темно. Тело было чужое. На соседней кровати кто-то глухо стонал. Вдалеке горел тусклый ночник. Я ощупала руки – на месте, ноги тоже, протянула руку к голове и тихо вскрикнула – на шее болталась какая-то гирия.

– Очнулась, – склонился ко мне давешний хмурый юноша. – Это груша для стекания сукровицы, – ответил он на мой мысленный вопрос. – Давай утку принесу, – предложил он дружелюбно.

– А в утке яйцо, а в яйце игла, – пробормотала я. Груши, утки! Мысли путались, свет дрожал.

– Вот так, обнимай за шею, – сказал он, приподнимая меня.

Ничего себе, ситуация, подумала я, может, ему еще и ноги туда закинуть?

Он ловко подставил утку. Я почувствовала себя слегка некомфортно.

– М-м, а можно мне медсестру? – спросила я краснея. Он без разговоров вышел.

Когда они удалились, я стала постепенно привыкать к реанимации – ее звукам, цветам и запахам. Остро пахло спиртом и кровью, свет был совсем рембрандтовский: густой-густой полумрак с огонечком над стулом сестры вдалеке. В другом отсеке стонала женщина, ей удалили опухоль мозга, и она еще не пришла в себя. Единственным знакомым звуком из моей старой жизни был проехавший трамвай за окном. Тот самый звук, который издали приближается, нарастает, а потом, позвякивая, уплывает дугой, растворяясь эхом вдалеке.

Ага, трамвай! Первый, обрадовалась я, значит, скоро утро, наверное, сейчас пять или шесть. Не в силах спать, я начала думать обо всем сразу. Сначала я прочитала про себя все стихи, которые помнила наизусть, а помнила я их очень много. Потом пыталась вспомнить, как будет по-английски и французски «птицы небесные». Потом начала перебирать всю свою жизнь назад и вперед. Вдруг подумала, как же это так получилось, что я оказалась здесь, и почему? Почему так долго длится и никак не закончится ночь?

Больше всего я хотела, чтобы скорее стало светло и пришло утро – с грохотом трамваев, криками ворон, людскими голосами, запахами, звуками, жизнью. Звонок трамвая был бы сейчас для меня самой прекрасной музыкой.

Когда первый трамвай проехал под окном, я уже спала. Тот, который я приняла за первый, оказался последним, и я так и пролежала всю ночь без сна, наедине сама с собой. Это была, пожалуй, самая длинная ночь в моей жизни.

Скоро меня выписали, и я забыла об этом томительном ночном ожидании. Но я даже и не догадывалась, что через какое-то время мне придется снова вернуться в ту же палату того же ракового корпуса.

II

После перенесенных волнений мама поставила мои обследования на поток. И вот на очередном из них молодой врач на УЗИ щелкнул мышкой компьютера и радостно воскликнул:

– А вот этот узелок я бы удалил! – И он потянулся куда-то, словно собирался достать из ящичка скальпель или даже ложку и быстренько удалить. – Диспансер номер пять! – бодро сказал он мне, протягивая направление.

– Как, опять? – хотела спросить я, но подумала, что в рифму это звучит глупо, и промолчала.

В диспансере у меня потребовали выписки после первой операции, которые были посланы по почте районному врачу.

– Да торопитесь, – прибавили в приемном покое, – у нас тут, знаете, с местами туго.

Районный врач, веселый и добрый алкоголик, всегда радостно встречал меня словами: «Ангел мой» – и каждый раз пытался обследовать все органы, включая здоровые.

– У него запой, – сказала густо накрашенная сестра в его кабинете. – Вот твоя карточка, отвези сама в больницу, только ни в коем случае не открывай, нам запрещено выдавать на руки больным, но раз тебе срочно... Неизвестно, когда он теперь будет.

Я поехала в обратном направлении. По дороге в метро достала книжку, внутри которой лежал конверт с выписками. И вот то самое любопытство, погубившее Еву, а с ней и все остальное человечество, словно шепнуло мне: ну ты же только посмотришь, от чего тебя там лечили, а потом обратно заклеишь. Я развернула первую страницу. Вагон трянуло, и лист выпал. Когда я развернула его еще раз и прочитала, то не поверила своим глазам. Черным по белому было написано: рак. II стадия. Вагон вместе с его содержимым – лицами, дубленками, шапками, сумками, раскрытыми книгами – поплыл у меня перед глазами. Как же это, подумала я, они будут вот так продолжать ездить по магазинам, читать, держаться за поручни, прислоняться к дверям, а я нет? Почему я? Почему?! Мне только 24, я ничего еще не сделала, я столько должна, а как же мама? А мама знала, дошло до меня. Мысли толпились, шарахались и наскакивали одна на другую как перепуганное стадо. Началась паника.

В тот вечер я познакомилась со своим будущим мужем.

Случилось это совсем неожиданно. Ко мне вечером заехала тетушка и, не принимая никаких возражений, буквально потащила меня к себе, у нее гостил молодой ну та-а-акой очаровательный англичанин! «Та-а-акой англичанин» оказался высоким, сутулым молодым чело-

веком, который почти совсем не говорил по-русски, непрерывно поправлял очки и все время нервно посмеивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.